

Оборона Боспора Киммерийского

Вопросы обороны Керченского полуострова в древности недостаточно осознаны как в современной, так и в старой литературе; полезных исследований в этой области почти не производилось, а между тем проблемы истории военного дела в древности представляют большой интерес.

В настоящей статье мы подводим итоги более чем столетней работы историков и археологов над этой проблемой, в том числе используем результаты собственных исследований, до сих пор остающихся неопубликованными.

Каждый древнегреческий полис, т. е. город-государство, представлял собой не только один населенный пункт, но и прилегающую к нему область, которая находилась в его непосредственном подчинении. В понятие гражданина входило владение земельным участком. Так было в метрополии, так было и в колониях. Пантикапей занимал сначала только ближайшую территорию к городу, быть может, до Золотого кургана, где мы находим следы древнего вала с укреплениями. В дальнейшем, в связи с завоевательной политикой Спартокидов, территория Боспорского государства расширяется; в его пределы входят мелкие населенные пункты, зачастую основанные самим Пантикапеем. Вскоре Боспорская держава доходит на западе до Феодосии включительно, а на востоке—до нынешнего Новороссийска.

Познакомимся с самой ближайшей к городу линией обороны Боспора. В 1924—1925 гг. мне пришлось шаг за шагом обследовать эту первую линию¹.

Она состоит из вала и рва, хорошо видимых при косых лучах солнца, и целого ряда дополнительных сооружений, повидимому остатков башен и укрепленных проходов. Вал и ров в настоящее время почти незаметны, так как запашка и дожди уничтожили почти все следы этой линии обороны. Вал и ров начинаются у самого берега Азовского моря на территории б. имения кн. Трубетного, возле дер. Бююк-Гархан. Сделав несколько зигзагов, вал имел направление с севера на юг, подходя вплотную к Катерлезской жалистой гряде. Здесь следы вала и рва пропадают. Есть основание предполагать, что либо вал шел по вершине гряды, либо сама гряда служила в этом месте естественной преградой против врагов.

От Катерлеза вал и ров спускаются в широкую долину и, дойдя до середины, ломаются, причем на сломе имеются следы (фундаменты) какого-то сооружения. Повидимому, здесь проходила древняя дорога из Пантикапея на запад, так как вал и ров в этом месте как бы прерываются метров на 10. В этом месте мы имеем следы фундаментов здания и огромное число рассеянных по земле черепков античных амфор. Из собранного подъемного материала видно, что амфоры могут быть датированы еще античным, вернее, греческим временем, что дает некоторый *terminus ante quem* для всего сооружения. Здесь, повидимому, стояли ворота и возле них находился небольшой поселок, на следы которого указывает имеющийся здесь небольшой культурный слой. От этого места ров и вал идут прямо на юг. При косых (вечерних) лучах солнца вал еще очень хорошо заметен с вершины Золотого кургана. Вал и ров имеют направление прямо на этот курган, стоящий на второй скалистой гряде, представляющей собой продолжение так называемой Митридатовой горы. Перед подъемом на гряду вал и ров перерезаны железнодорожной линией. Здесь обрыв вала очень интересен в археологическом отношении. По нему можно определить его современную высоту и состав насыпи. Средняя современная высота составляет около 2 м. В насыпи попадаются довольно крупные камни, некоторые со следами отески. Есть

¹ Сообщение об этом вале с демонстрацией детальной карты было сделано мной на заседании Керченской археологической конференции в 1926 г. (см. Бюллетень конференции № 4). Карта хранится в архиве Института истории материальной культуры АН СССР, а копия—в архиве Керченского музея. Заметка о вале была помещена мною в «Красном журнале для всех» за 1926 г. См. статью Р. В. Шмидта в «Советской археологии», т. VII (1941), стр. 268, «Исследования боспорских оборонительных валов».

основание предполагать, что при сооружении вала сначала создавали каменную крепиду и потом уже копали ров. Глубину рва следует определить не менее 3 м, что одно уже создавало почти непреодолимое препятствие. Общая высота вала с вертикальными стенками и рва составляла 6 м. Каменная крепидка была необходима, чтобы вал не осыпался в ров. Таким образом, эта линия обороны была по тому времени надежной и неприступной для степных варварских племен, против которых она предназначалась.

Золотой курган с его мощной крепидой с полигональной сухой кладкой может быть нами правильно понят только в связи с этим валом. Золотой курган является основным звеном в мощной системе государственной обороны. Он не только усыпальница одного из архонтов Боспора, он—сторожевой пункт, опора и оплот обороны государства. Недаром ни один из боспорских курганов не имеет такой мощной и высокой крепиды, а боспорские курганы мы знаем хорошо.

От Золотого кургана вал поворачивал на запад и шел по гребню продолжения горы Митридата. К сожалению, на горе он почти незаметен. Правда, к западу от Золотого кургана имеются груды древнего камня; быть может, это его остатки. Не доходя до Куль-обского кургана, вал поворачивает на юг под углом почти в 90° и спускается в долину, имея направление на нынешнюю деревню Джарджаву. Эта последняя стоит на большом бугре среди долины, и было бы крайне важно детально исследовать этот бугор. Нам кажется, что здесь должны быть следы древнего поселения, защищаемого валом. От деревни вал меняет свое направление и идет на юг прямо на так называемый Второй Змеиный курган, являющийся крайним западным курганом в цепи Юз-Оба. Как известно, на гребне скалистого хребта Юз-Оба, идущего почти параллельно горе Митридата, находится курганный могильник лучшей поры Боспора, т. е. IV в. до н. эры. Вал очень явственно вплотную подходит ко Второму Змеиному кургану, который отличается от остальных курганов Юз-Оба своей величиной и некоторой изолированностью.

На цепи Юз-Оба следов вала незаметно, несмотря на самые тщательные поиски. Но несомненно одно, что вал должен был идти по гребню этого скалистого хребта. Возможно предположить, что во время сооружения вала весь хребет Юз-Оба был свободен от могильных насыпей и имел достаточно крутой профиль, который обеспечил оборону этой части территории. Впоследствии, при сооружении курганов, следы вала, шедшего по гребню, могли исчезнуть. Зато вал снова появляется у восточной части хребта Юз-Оба и идет до б. имения Олив в Камыш-буруне, соединяясь здесь, повидимому, с городскими укреплениями Тиритаки. К сожалению, раскопки Тиритаки еще не затронули северной части города, и поэтому мы не имеем данных для увязки вала с городскими укреплениями этого крупного населенного пункта. Таким образом, ясно, что вал включал под свою защиту Тиритаку, восточное побережье Керченского пролива и всю территорию восточной половины Керченского полуострова, приблизительно начиная от старого вокзала, даже немного западнее.

Исследование вала, конечно, нельзя считать законченным. Необходимо в первую очередь сделать его разрезы возле Тиритаки, возле Джарджавы и к северу от Золотого кургана. Необходимо исследовать место соединения вала с укреплениями Тиритаки, связь со Вторым Змеиным курганом, связь с Золотым курганом, с Катерлезом и раскопать упоминавшееся выше городище у предполагаемых ворот между Золотым курганом и Катерлезом. Когда это исследование будет сделано, оно, несомненно, даст определенные материалы для суждения о времени сооружения этого вала, позволит реконструировать его первоначальный вид, размеры и т. д. Но и теперь, в связи с раскопками Тиритаки, нам хочется высказать несколько предположений о датировке вала, считаясь, однако, с тем, что наши предположения могут в дальнейшем подвергнуться изменению.

Относительно датировки нашего вала высказывалось несколько предположений. По мнению большинства исследователей¹, вал должен считаться древнейшей линией

¹ Dubois de Montpeux, Voyage autour du Causase, V (1143), стр. 240; Ашик, Боспорское царство, I (1848), стр. 24; «Древности Бессфора Киммерийского»,

обороны Боспора и был он сооружен тогда, когда территория государства была еще незначительной. По мнению же других исследователей¹, вал должен считаться более поздним сооружением, а именно эллинистического времени, когда Боспорское государство испытывало нажим со стороны скифов центрального Крыма. Разберемся в некоторых данных, связанных так или иначе с сооружением вала. Такой анализ позволит нам ближе подойти к вопросу его датировки. Мы остановимся на отношении вала к Золотому Кургану, Куль-обскому. Второму Змеинному на Юв-Обе, затем на отношении вала к Тиритаке и Нимфею. Начнем с последнего.

Как известно, Нимфей долго не входил в состав Боспорского государства, а был самостоятельным полисом, поддерживавшим самые тесные отношения с Афинами. Об этом нам известно из речи Эскина против Ктесифонта, предложившего Афинам присудить Демосфену золотой венок за услуги, оказанные им Афинскому государству. Эта речь была произнесена в 330 г. до н. э. В ней, между прочим, говорится следующее (171—172): «Был некто Гилон керамеец. Предав врагам Нимфей, что на Понте, — государство афинское имело тогда эту местность, — Гилон, на основании возбужденной против него исангелии присужденный к смертной казни, не дождался судебного приговора и бежал из города. Он является на Боспор и получает там в дар от тирана так называемые Сады»².

Это место из речи Эскина нам важно в одном отношении: Нимфей не принадлежал к Боспору, а считался афинским владением.

Акад. С. А. Жебелев разбирает вопрос о Нимфее во втором из своих «Боспорских этюдов»: «Афины, Нимфей и измена Гилона» («Иzv. ГАИМК», вып. 104, 1935, стр. 24 сл.), и приходит к отрицательным выводам. Но здесь он, нам кажется, слишком гиперкритичен, идя вразрез с мнениями почти всех ученых. Целый ряд независимых друг от друга письменных и археологических свидетельств доказывают, что Нимфей в ряду боспорских городов занимал какое-то особое место. Это был пункт с незамерзающей и очень удобной гаванью. Владеть этим городом для афинян было важно ввиду их экономической заинтересованности в этих местах. Местоположение Нимфея определено давно и безошибочно, и я не буду на этом вопросе останавливаться³. Город находился к югу от Тиритак и занимал нижний мыс, образуемый Керченским проливом и большим морским заливом, ныне превратившимся в песчаные плавни и озеро Чурубаш. Напомним, что Тиритак занимала северный мыс этого залива.

Очень важно для нас свидетельство схолиаста одной из лавренцианских рукописей Эскина. Он говорит: «Нимфей—место города на Понте; им владели афиняне, и его афинянин Гилон предал боспорским тиранам». С. А. Жебелев считает вздорным это свидетельство схолиаста на том основании, что тиран Сатир был дружественен к Афинам⁴. Но Сатир мог быть (и был) дружественным к Афинам, когда это касалось хлебно-торговли и все же в то же время мог домогаться вырвать у Афин соседний Нимфей.

За принадлежность Нимфея Афинам⁵ говорит Гарпократион в своем объяснитель-

стр. 134; Neumann, Die Hellenen im Scythienlande, I, стр. 499 (1833); Р. В. Шмидт, к исследованию боспорских оборонительных валов, «Сов. Археология», VII (1941), 269—270.

¹ Б. Ю. Марти, Путеводитель по Керченскому музею древностей, 1937, стр. 9.

² Цитирую по переводу акад. С. Жебелева, Боспорские этюды, II, «Иzv. ГАИМК», вып. 104, 1934, стр. 30.

³ В. В. Шкорпил, Нимфей и первый список нимфейских граждан, «ЗОО», XX (1897), стр. 16 сл.

⁴ С. А. Жебелев, указ. соч., стр. 33.

⁵ Недаром все крупнейшие историки считают Нимфей афинским владением: Grote, Gesch. Griechenlands², VI стр. 723; E. D. Meyer, Gesch. d. Altertums, IV, стр. 78; Busolt, Griech. Gesch. III, стр. 587; Minns, Scythians and Greeks, стр. 561; Kahrsstedt, Der Umfang des attischen Kolonialreiches, «Nachrichten der Ges. d. Wiss. zu Göttingen» 1931, стр. 163; Rostovzeff, САН VIII, стр. 563 и др.

ном словаре к десяти аттическим ораторам. Под словом «Нимфей» он говорит: «Эскин в речи против Ктесифонта говорит: «Нимфей на Понте». Кратер в IX книге «Декретов» говорит, что Нимфей платил афинянам талант. Это очень важное для нас свидетельство, так как *φράσιματων συναγωγή* Кратера содержала полные тексты афинских декретов, отражавших наиболее важные моменты внешней и внутренней истории Афин V века до н. э. В какой связи в афинском декрете могло стоять упоминание Нимфея и платеж Афинам таланта, да еще в V в.? Конечно, только в связи с Афинским морским союзом. Нам кажется, что это свидетельство является веским доказательством вхождения Нимфея в этот союз. Поэтому дополнения Ульриха, Келера и Бузолта и их восстановление названия Нимфей в Списке форося Первого Афинского союза кажутся нам вполне возможными и правильными, несмотря на возражения С. А. Жебелева¹. Заинтересованность Афин в боспорском хлебе была уже в то время, еще до сицилийской катастрофы, столь велика, что иметь на Боспоре члена своего союза было для Афин крайне важно. Вспомним, что на Боспоре мы имеем многочисленные находки аттических чернофигурных ваз еще эпохи Писистрата, — вот к какому времени восходят связи Боспора с Афинами.

По мнению большинства ученых, вхождение Нимфея в Афинский союз должно было произойти сразу после Понтийской экспедиции Перикла, которую исследователи ставят между 453—437 г. до н. э.²

Итак, Нимфей был афинским владением³. Захват его или передача Гилоном Боспору должна была произойти при архонте Сатире около 405 г. до н. э., повидимому в конце Пелопонесской войны, после разгрома афинского флота при Эгоспотамосе.

Для нас все это было важно выяснить, потому что Тиритакийский вал был создан тогда, когда Нимфей находился за пределами государственной границы Боспора. В самом деле, вал не защищал Нимфея, и это обстоятельство имеет большое значение для датировки вала: он был сооружен до включения Нимфея в пределы Боспора, т. е. до 405 г. Это *terminus ante quem* для датировки вала³.

Теперь обратимся к Тиритаке.

Как мы уже видели, Тиритака, расположенная на северном мысу большого морского залива, была отправным пунктом древнего оборонительного вала.

А *prigot* мы можем сказать, что древний вал должен был защищать город, представляя одно целое с крепостными стенами Тиритаки. Раскопки, произведенные в этом городище, были связаны со строительством здесь крупной фабрики, и многое осталось недоисследованным. Тем не менее результаты этих раскопок дают возможность сделать ценные хронологические выводы. Была открыта крепостная ограда в юго-западной части города, т. е. в противоположном по отношению к валу месте. Открытые стены, башни и ворота в основном восходят к раннеэллинистической эпохе конца IV—начала III вв. до н. э. Но под фундаментом одной из башен (под юго-западной стеной башни № 1) были обнаружены следы более ранней кладки. «Повидимому, — говорит автор отчета

¹ IG. I², 63; *Μίνης*, указ. соч., стр. 639/2: *Νο[μίσαιον]*, ср. С. А. Жебелев, указ. соч., стр. 26. Его возражения, что некуда было приписать понтийских членов союза, неубедительны.

² Мы не будем входить в детали этого вопроса, был ли Нимфей клерухией Афин, как думает Ростовцев в САН VIII, стр. 565, или просто «владение». Для нас это неважно.

³ Так же думает и Neumann, *op. c. I* (1855), стр. 499. Приведем еще одно соображение: вал мог быть сооружен до основания Нимфея. Раскопок городища в Нимфее почти не было. Находки монет, надписей и керамики дают предметы не старше середины V в. до н. э. Отдельные находки восходят к концу VI в. См. В. Г а й д у к е в и ч, Раскопки Мирмекия, Тиритаки и археологические разведки на Керченском полуострове 1937—1939 гг., ВДИ 1940, № 3—4, стр. 314—316.

Ю. Ю. Марти¹,—мы имеем здесь дело с остатками более ранних, может быть, также фортификационного характера сооружений, перекрытых эллинистической башней». Раскопки в самом городище, дающие три слоя, показали, по словам Т. Н. Книпович и Л. М. Славина², что, повидимому, Тиритака существовала здесь уже около середины VI в. до н. э. Считая, однако, что монументальные оборонительные сооружения могли возникнуть не сразу, а несколько позже, мы можем их датировать, по крайней мере, с известной долей осторожности, серединой V в. до н. э.

Менее доказательными являются соображения, связанные с хребтом Юз-Оба, но и они в общей цепи доказательств имеют значение. Дело в том, что вал упирается в скалистый хребет Юз-Оба и здесь бесследно теряется, чтобы начаться в западной части того же хребта, около так называемого Второго Змеиного кургана. Совершенно очевидно, что вал шел по хребту, но при наличии на нем многочисленных курганов эпохи IV в. до н. э. этот хребет перестал служить линией обороны, так как перестал являться сплошной круглой стеной. Отсюда логично сделать вывод, что вал шел по хребту Юз-Оба до насыпки курганов и что впоследствии он был разрушен этими могильными сооружениями, что могло быть в IV в., вернее, во вторую половину этого столетия³. Это является также *terminus ante quem* для вала.

Следующим датировующим моментом должна являться знаменитая гробница в Куль-Обском кургане⁴. В отличие от явно греческих курганных погребений на хребте Юз-Оба, Куль-Обское погребение является безусловно могилой скифского, но огреченного царя. Судя по инвентарю погребения (подвески с изображением головы Афины Фидия, рисунок суда Париса и квадриги на кости и др.) оно может быть датировано концом V, началом IV в. до н. э., вряд ли позже, хотя проф. М. И. Ростовцев, как известно, датирует гробницу в Куль-Обе второй половиной IV или даже началом III вв. до н. э.⁵ Куль-Обский курган представляет скифское, а не греческое погребение. При царе погребена убитая жена или наложница и раб, чего в греческих могилах мы не наблюдаем. Царь, несомненно, был погребен на территории своих владений. Отсюда мы делаем вывод, что в эпоху сооружения этого кургана до вала доходили владения скифов. Уже одно это обстоятельство должно датировать Куль-Обское погребение, по крайней мере, первой половиной IV в., но вал уже в это время был.

Это же обстоятельство должно датировать и Золотой курган, входящий в систему обороны как башня вала, никак не позже чем концом V в.

Суммируем выводы. Сооружение вала, как показывает исключение из линий его обороны Нимфея и защита им Тиритаки, уже существовавшей в V в. до н. э.,—все это говорит за дату сооружения вала еще в V в. до н. э. Архаический характер полигональной крепиды Золотого кургана вполне согласуется с этой датировкой.

Все эти соображения не исключают необходимости тщательного исследования вала для уточнения его датировки.

К. Гриневич

¹ Ю. Ю. Марти, Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 4, (1941), стр. 14.

² Там же, Т. Н. Книпович и Л. М. Славин, Раскопки юго-западной части Тиритаки, стр. 40—41.

³ М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, 1914, стр. 98.

⁴ Находки в Куль-Обском кургане первоначально были изданы в «Древностях Боспора Киммерийского», стр. XIX сл. Затем переизданы Рейнаком, потом К он д а - к о в ы м — И. Г о л с т ы м, «Русские древности в памятниках искусства», вып. II (1889), стр. 85, 86, 88.

⁵ Р о с т о в ц е в, указ. соч., стр. 50.